

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

Походные записки русского офицера

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

Военные мемуары (Кучково поле)

Иван Лажечников

**Походные записки
русского офицера**

Издательство «Кучково поле»

1820

УДК 335/339-05
ББК 63.3(2)47

Лажечников И. И.

Походные записки русского офицера / И. И. Лажечников —
Издательство «Кучково поле», 1820 — (Военные мемуары
(Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0329-8

Иван Иванович Лажечников (1792–1869) широко известен как исторический романист. Однако он мало известен, как военный мемуарист. А ведь литературную славу ему принесло первое крупное произведение «Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 годов», которые отличаются высоким патриотическим пафосом и взглядом на Отечественную войну как на общенародное дело, а не как на «историю генералов 1812 года». Сожженная и опустевшая Москва, разрушенный Кремль, преследование русскими отступающей неприятельской армии, голодавшие и замерзавшие французы, ночные бивуаки, офицерские разговоры, картины заграничной жизни живо и ярко предстают со страниц «Походных записок». Перед читателем встает и фигура самого автора, который «месил снежные сугробы литовские, спотыкаясь о замерзшие трупы, при жестоких морозах, захватывавших дыхание, в походной шинели, сквозь которую ветер дул, как сквозь сетку решета», и писал свои записки «при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко при шуме идущего рядом войска».

УДК 335/339-05
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0329-8

© Лажечников И. И., 1820

© Издательство «Кучково поле», 1820

Содержание

Предисловие	8
1812	9
С. Кривякино. 20 сентября	9
На Мячковском кургане, 12 октября	10
Москва, у Кремля, 13 октября	11
С. Троицкое, под Москвой, 15 октября	12
Москва, 18 октября	15
С. Хатунь, 20 октября	16
Г. Калуга, 26 октября	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Лажечников

Походные записки русского офицера

...И наш век произвел также добродетели и дарования, достойные подражания потомства!

К. Тацит, Лет. Кн. III

© Кучково поле, 2013

* * *

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ
ГОСУДАРЫНЕ ЕЛИСАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Всемилоостивейшая государыня!

Описание некоторых подвигов Российского Монарха и народа Его в славнейшую брань за свободу Европы: описание, сделанное мной между путевыми наблюдениями, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашим, Всемилоостивейшая Государыня! ибо кому ближе принадлежать оно может, как не Супруге Великого Монарха и Матери народа Русского

Всемилоостивейшая Государыня!

Вашего Императорского Величества

20 октября 182 °С.-Петербург

Верноподданный Иван Лажечников

А) Список с рескрипта к генерал-лейтенанту графу Остерману.

Граф Александр Иванович! Поднесенный вам от Богемских жителей кубок, украшенный разными сея земли камнями, есть приятное для Отечества Нашего свидетельство чистосердечной благодарности сего народа за отвращение от него опасности бессмертным при Кульме подвигом Российской Гвардии. Я в полной мере ободряю испрашиваемое вами в письме вашем распоряжение о сем кубке; но не могу оставить без замечания, что вы, отдавая должную справедливость участвовавшим в сем знаменитом сражении воинам, забыли себя, тогда когда вы в оном предводительствовали и потерением руки своей купили победу – обстоятельство, умолченное вашей скромностью, но незабвенное Отечеством, и которое, конечно, не престанет твердиться в устах потомства! Пребываю вам благосклонный

Александр

21 февраля 1817

С.-Петербург

Б) Сколько лет тому назад знаменитый Делиль предсказывал возведение Лудовика на трон отцов его рукой монарха Российского! Само Провидение, кажется, вдохнуло в него дух прорицания, когда он писал следующее место в своей поэме de la Pitié:

Jeune et digne héritier de l'Empire des Czars!
Sur toi le monde entier a fi xé ses regards

и проч.

Souviens-toi de ton nom: Alexandre autrefois
Fit monter un viellard sur le trône des Rois:
Sur le front de Louis tu mettras la couronne.
Le scèptre le plus beau c'est celui que l'on donne.

Предисловие

Издавая ныне мои записки, стал бы я напрасно, в извинение их неисправностей, представлять, что я писал их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом со мной войска. Все это могло служить оправданием тем сочинителям, которые, так сказать, на горячем следу прошедшей войны издавали свои походные замечания. В четыре мирные года должен я был иметь время исправить погрешности моего творения; и если читатели сделают над ним строгий приговор, то виноват один автор, а не обстоятельства. В утешение себя и в облегчение страха, который чувствует издатель, готовясь предстать перед общим судом, скажу, что большая часть моих записок помещена была в известнейших наших журналах и что они заслужили одобрение многих почтенных литераторов. Осталось мне сожалеть (может быть, одному мне) о невозвратной потере, которую я сделал, лишившись, во время курьерской поездки 1817 года, целой огромной тетради с походными записками. Ныне издаю только уцелевшие от этого кораблекрушения, и потому с 16 мая 1813 года предлагаются они отрывками. Сначала думал я заменить мою потерю, приняв написать новые записки в кабинете моем; но память мне изменяла, и для того вынужден я был расстаться с начатым трудом. Еще должен я предупредить читателя, чтобы он не ожидал найти в этой книге подробное описание маршей и сражений, тактические замечания и наблюдения, одним словом, полные источники для бытописателя прошедшей кампании. Автор не посвящал себя совершенно военному делу и для того не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка. Он издает ныне свои записки в виде замечаний простого походного наблюдателя, описывавшего единственно то, что было близко к нему, что он видел, слышал достойного примечания и что находил в кругу своем великого и прекрасного в подвигах русского гражданина и воина.

1812

С. Кривякино. 20 сентября

Случалось ли вам видеть дитя, приговоренное стоять в мрачном углу комнаты в то время, когда роковой час, назначенный для окончания трудов учебных, ударил в кругу товарищей его и возвестил сердцам их благословенную свободу? Умолкли громы, поражавшие их в высоте кафедры, исчезли из виду почтенный черный кафтан и высокомудрый парик, даже шарканье грозного школьного властелина не отдается более в длинных переходах. Золотая свобода! – восклицают юные мудрецы и летят срывать венки с величавых соперников и созидать новые царства на горах Воробьевых...

Итак, видите ли это дитя, стоящее в мрачном углу опустевшей комнаты? Взоры его обращены на роковую дверь, откуда товарищи его устремились пожинать лавры бессмертия, частые вздохи волнуют грудь его, и слезы струятся по розовым щекам несчастного. Но вдруг сверкнула перед ним мысль о свободе первого человека. Он гордо поднимает голову, сердце его бьется сильнее – и тяжкие узы для него более не существуют, и грозная темница его не ужасает! Он уже с копьём в руках внезапно является в рядах Беллоны, мешает крик победы с криком сражающихся, получает тяжелые раны и уносится на плащ... (вы ожидаете великого явления?) в дом родительский, где готовятся для него свежие лавры, растущие в садах столицы – рядом со смиренной липой. Тут занавес опускается... Жаль мне героя моего, очень жаль! Кто, подобно ему, не любит золотой свободы? Кто для любви к себе не дитя в мире сем? И я во всем сходен с сим слабым, бедным творением!.. Браните меня, как вам угодно, друзья мои! Бросайте на меня все стрелы Сервантовы: я не отражаю их; но спокойно, как новый рыцарь печального образа, от мирных полей и уединенной хижины, бегу искать славных происшествий и – если должно – сражаться даже с мельницами! Меч гремит на бедре моем и возвещает мне время явиться на поля славы. Тройка коней, приведенных из русской Фракии или просто с берегов Дона, роет снежные бугры с нетерпения отвезть нового сынка Марсова к нежному его родителю. Но слезы родных, бесценных сердцу, велят еще сказать им роковое: прости! Прощайте, друзья мои! Прощайте, мои милые! Удостаивайте иногда воспоминанием того, который так неожиданно покинул родные поля и тихий кров отеческий, оставил все приюты любви и дружбы и, что еще неблагодарнее, умел так скоро расстаться с вами, бесценные мои!

На Мячковском кургане, 12 октября

Никогда не проезжаю Мячковского кургана без того, чтобы не взойти на него. Бывало, в красные дни природы и моей родины останавливался я здесь любоваться прелестными видами. Тогда все восхищало меня: и светлая в извилинах Москва-река, многочисленными судами покрытая, и селения, на живописных ее берегах расположенные, и расписные, пестрые луга с озерами своими, и белые известковые горы, вечно дымящиеся наподобие маленьких Везувиев. Тогда любил по целым часам взорами и сердцем бродить с возвышений, одетых цветными коврами, на пригорки, далеко золото жатв разливающие, – из Мяčkова, господствующего над мрачными лесами, в живописное Быково, собой в водах красующееся, – и, наконец, в туманном сизом отдалении искать Москвы белокаменной. Ныне, когда пожары войны пылают еще на родном небосклоне, когда природа и люди унылы, прихожу сюда внимать бурям осенним и смотреть, как черные тучи несутся над головой моей, как вихорь роет желтые листья и мчит их по крутому берегу. Смерть и разрушение почивут на холмах могильных, печальна окрестность, мрачна и душа моя! Без риторической фигуры можно, конечно, сказать, что всякая высота возвышает чувства и мысли. Стою на гордом кургане и повторяю за прекрасным певцом его:

Сюда приди, о, Росс, свой сан и долг узнать!

Никогда не чувствовал я так сильно красоты сего изречения, как теперь, стоя на сей величественной насыпи, которой святыню берегли веки; на сем памятнике славы наших предков и могил храбрых. Так, на сем знаменитом холме, клянусь прахом отцов моих и тобой, родина священная! клянусь, что честь и Отечество будут везде моими спутниками, и если изгоню их когда-нибудь из моего сердца, если забуду их в пылу битв и мирных хижинах, то пусть недостойн буду имени русского, пускай все милое мне и Бог меня забудут!

Москва, у Кремля, 13 октября

«Это ли столица белокаменная? – спрашивал я себя со вздохом, подъезжая к Москве. – Где золотые куполы церквей, венчавшие царицу городов русских? Где высокие палаты, украшение и гордость ее? Один Иван Великий печально возносится над обширной грудой развалин, только одинокие колокольни и дома с мрачным клеймом пожаров кое-где показываются. Быстро промчалась буря разрушения над стенами московскими, но глубоки следы, ею оставленные!» Подъезжаю к Таганской заставе. Мрак вечерний начинал спускаться над окружностью, чувства уныния и ужаса возрастали более и более в душе моей. Близ караульни показался огонек, затмеваемый бродящими людьми. Въезжаю в заставу и нахожу изюмских гусар, расположенных около нее бивуаками. Схожу с повозки, иду далее по улицам и не узнаю их. Здесь стоят стены без кровель и церкви обезглавленные, там возносятся одинокие трубы, тут лежат одни пепелища домов, еще дымящиеся и наполняющие улицы тяжелым смрадом: везде следы опустошения; везде памятники злодеяний врагов и предметы к оживлению мщения нашего! Ужасно воет ветер, пролетая сквозь окна и двери опустошенных домов, или стонет сохой, шевеля железные листы, отрывки кровель. Вокруг меня мрак и тишина могил! Только инде, под мрачными сводами, трепещет огонек у пустынного сторожа развалин; кое-где слабый голос выносится из погребов или слышен в шалашах робкий шепот. Иду по улицам, кажется, совсем незнакомым – ни одно живое существо не попадаете мне навстречу, иду и спотыкаюсь о мертвую лошадь!.. Давно ли рои народа кипели и шум не молк в стенах Москвы? Давно ли по этой улице в богатых экипажах встречались сыны фортуны и мчались из жилища рассеяния в обитель моды? Не в этом ли доме, за три месяца перед сим, толпа рабов поклонялась набитому червонцами мешку или старому пергаменту? Не в том ли имущество, здоровье и самая жизнь полагались на одну роковую карту? Не здесь ли роскошь на счет тысячи ближних собирала дань со всех частей света, чтобы угостить могущество одного? Здесь зарывал скупец свое золото, сюда же придет он оплакивать его потерю и на том же праге, где отказывал всякому в помощи, узнает, каково быть в бедности и не найти сердец сострадательных. За этой стеной некогда стоял великолепный туалет: умывания Ниноны, похищенные у любимой султанши белилы, сотни чепчиков и шляпок, тысяча и один визитный билет – увы! – достались в жертву пламени. Что сказала бы красавица, когда наместо сих драгоценностей нашла бы она мертвого француза? Ужасно и подумать об этом!.. Вас позвал бы я сюда, гордые богачи! и указал бы вам на превратности жизни сей. С вами пошел бы гулять по развалинам, ненасытные честолюбцы, воздвигающие себе храмы и памятники на бедствиях народных! Призвал бы сюда и вас, ученики безверия! и дал бы вам взглянуть на вражеские трупы, лишенные погребения, брошенные в пищу врагам и по смерти живо говорящие, что гнев Божий рано или поздно карает преступников. Здесь друг человечества вздохнул бы со мной об участи несчастных и могилу добродетельного почтил бы искренней слезой.

Сию теперь на развалинах Кремля и на обломке его стен пишу мои замечания. И сие жилище царей наших, сей священный палладиум Москвы не поберегла рука разрушения!.. Большая часть башен и стен подорвана, не пощажен сам Иван Великий, сей памятник царского благоразумия среди бедствий народных, украшавший столицу два века, протекшие мимо него с благоговением. Благословляю меч, карающий врагов Отечества и прав его, клянусь губительное железо, разрушающее памятники святыни и славы народной!

С. Троицкое, под Москвой, 15 октября

Побежден быть не может народ, в самых бедствиях гордый своим именем, в самых горестных потерях не лишившийся добрых нравов, среди жесточайших оборотов судьбы хранящий твердо веру в законы праотцев! Москва была несколько дней во власти иноплеменных, Москва превращена в пепел, но дух свободы и любви к Отечеству не переставали никогда оживлять древнюю столицу России. Добродетели сии сопровождают ныне мирного гражданина в самое изгнание из мест родины и неразлучны с воином, кипящим отмстить за пепел родных жилищ и права свои. Сильны Бог и Царь русский; могучи мышцами и духом потомки славян – и Россия побеждена быть не может! Каждый день слышу повествования о твердости жителей, необходимостью в Москве заключенных во время пребывания там французов. Спросите, кто были сии жители? Нищие, сырые, бедные вдовы, бесприютные и слабые старцы. Между деяниями сих героев злые слухи донесли до нас – со всеми прибавлениями, обыкновенно наполняющими подобные рассказы о происшествиях, которых мы не были зрителями, – преступления одного или двух человек, изменивших законам чести и Бога. Но вернейшие известия, на которых нам приятнее основываться, утверждают, что сии злодеи были не русские. Мы готовы даже верить, что они не принадлежали никакому народу. Кто не может быть верным сыном Отечества, не достоин называться согражданином грубых Каннибалов, он не имеет ничего священного на земле, нет для него ни имени, ни родства, ни связей – целая вселенная его чуждается. Благословенная Богом Россия не знает подобных извергов: она сильна верными сынами. Картина Москвы, с одной стороны, наводненной толпами иноплеменных, дышащих грабежом и безначалием, с другой – огражденной твердостью духа оставшейся в ней горсти жителей, представляет истории прекрасные черты, подражания достойные. Москва является в ней, как знаменитая древняя жена, сидящая на развалинах величественного храма и защищаемая верной небольшой семьей против многочисленной шайки грабителей. Жестоко обманула французов надежда обрести в русских грубых варваров, обвыкших подклонять выю под чуждое ярмо! Следующие подвиги служат тому свидетельством. Кровавое зарево пожаров обтекало древнюю столицу России; огромные палаты и бедные хижины превращались в развалины; храмы Божии предавались поруганию – и толпы иноплеменных бродяг без сострадания, без чести и веры праздновали на пепелищах уничтожение всех добродетелей. Вдруг, среди торжественных восклицаний порока, среди вопля старцев, жен и детей, раздаются громкие, утешительные голоса. «Это голоса свободы!» – говорят угнетенные и стекаются на зов ее. В Огородниках стоит храм, посвященный имени Св. Харитона. Туда собираются они, вооруженные булавами, ножами, серпами и вилами; находят с каждым днем новых товарищей несчастья; составляют между собой особенное общество; строят себе шалаши вокруг церкви и клянутся защищать ее от нападения безверных до последнего дыхания. Каждый день приходят они в церковь сию воссылать молитвы к престолу Бога об изгнании врага из Отечества, о ниспослании победы русским воинам, здравия и славы законному государю. Несколько раз покушаются неприятели уничтожить священнослужение и превратить храм Божий в конюшню; но при первом покушении их героинице вооруженными сотнями стекаются вокруг церкви, ударяют в набат и заставляют самых мнимых победителей удивляться их мужеству и решительности. Некоторые из французских смельчаков пытаются с накрытой головой присутствовать при отправлении богослужения, но поднятые вверх вилы и грозные голоса свободы принуждают гордых пришлецов смириться перед законами слабых и нищих. Церковь, охраняемая столь мужественными защитниками, донныне уцелела и свидетельствует каждому, что верность царям, вере и коренным добродетелям есть твердейший оплот противу неравного могущества и бедствий, на землю посылаемых.

Священник Рождественского монастыря, известный примерной жизнью своей, не уstraшился жестокостей иноплеменных. Верный своему государю и правилам совести, во всех

молитвах своих возносил он к престолу Бога имя помазанника Его. Буонапарт, узнав о сем, послал к нему грозный приказ исключить сие имя из церковных молитв и впредь упоминать в них Наполеона, Императора Франции и прочих земель. «Я присягал одному царю русскому и не хочу знать никакого другого», – с твердостью сказал пастырь посланным и продолжал с большим рвением молиться о здравии законного Государя. Ему угрожают виселицей на Рождественском бульваре. «Донесите Наполеону, – отвечал он исполнителям приказов его, – донесите ему, что под рукой палача буду еще молиться об Александре».

«Не страшна смерть тому, кто умирает за царя и веру». К чести доносителей должно сказать, что они нашли ответ сей геройским, достойным даже французского народа, изобразили его таковым предводителю своему и оставили непоколебимого священника исполнять долг его до самого побега великих легионов из Москвы.

Рим славился одной Лукрецией, древняя столица русских может гордиться двумя. На берегу Москвы-реки в скромном жилище оставался один из служителей алтарей для попечения о приходской церкви и тайного надзирания за схороненным им церковным богатством. Сокровища, храму принадлежащие, умел он сберечь от хищнических взоров, но не укрылось от них сокровище, ему собственно принадлежащее и для него бесценнейшее всех богатств земных, – две дочери, милые и прекрасные, как сама природа, как она, невинные. Под надзором умного, просвещенного и добродетельного отца взлелеянные, росли они для исполнения надежд его и украшения света – вскоре готовились они усыпать цветами радости и любви жизненный путь двух юношей, избранных ими по воле сердца. В сии смутные времена забывали помышлять о собственном счастье, думали только об успокоении Отечества. Обрученные принуждены были разлучиться почти у подножия брачного алтаря, клятва вечного союза готова была вылететь из уст их, и уста выговорили ужасное «прости» навеки; место сулимых им любовью удовольствий заступила мрачная мысль о бедствиях общественных – и мечты, недавно подносившие им брачные розы, казали уже им в будущем одни могильные холмы, бранными огнями и пожарами освещаемые. Разлука ужасная! Но ее требовал неумолимый рок – и друзья, повинаясь ему, расстались с горестным предчувствием. Вскоре притекли в Москву орды разноплеменные. Простые солдаты, гордясь безначалием, повиновались одним желаниям своим; начальники вместо того, чтобы давать подчиненным пример воздержности и кротости, подражали им в своеволии. Скромное жилище священника не избегло их посещения, там увидели они прелестных сестер и по праву победы нарекли их заранее своими данницами. Чтобы уловить их скорее в свои сети, употребляли они сначала хитрость, ласкательства, обещания, любовь, клятвы и даже священное имя Бога, но, видя предложения свои отвергнутыми с презрением и твердостью, они прибегнули к силе. В скором времени (это было к вечеру) отсутствие отца послужило им к совершению злодейского их намерения. Целой разбойнической шайкой ворвались они в комнату, где находились обе сестры, и застали их молящимися перед распятием. Не уважая ни мольбы, ни слез их, смеясь изображению Божественного Страдальца на земле и Судии небесного, которое несчастные обнимали вместо защиты, злодеи связали им руки и повлекли их из дому. Приближаясь к Каменному мосту, сестры уговорились на чуждом похитителям языке вооружиться против них обманом и решиться для избежания вечного позора умереть добродетельными. Решились – и слезы осушены, тихая покорность воле сильных показалась уже во взорах их, улыбка любви порхнула на помертвельных устах, и нежный, сладкий голос просил облегчить их узы. Какое жестокое сердце не тронулось бы этой просьбой, с которой, казалось, сливались обещания и надежды? Варвары, обманутые наружностью своих пленниц и притом уверенные в силе своей, исполнили их желание. Пустив за несколько шагов от них передовую стражу, сопровождая их в отдалении большой толпой с комическими песнями, они хотели доказать тем свое великодушие.

Но – кто из них того ожидал? Обе сестры, приближаясь к середине Каменного моста, схватив друг дружку за руки, пустились бежать, перелезли одни перила, перекрестились, пока-

зали рукой на небо, влезли на другие перила и одна за другой бросились в реку! Все это совершилось в несколько мгновений. Французы от изумления и ужаса стояли неподвижны, не верили глазам своим и не знали, что начать. Хотели вытащить несчастных из воды, но, найдя их совершенно обезображенными сильным ударом о камни, во множестве разделяющие течение Москвы-реки, отдали их на произвол стремнины. В глубоком молчании, как приговоренные к смерти преступники, возвратились они домой. В сердце не смели они заглянуть: в нем гнезился уже грозный спутник, до престола Вечного Судии с ними неразлучный; не осмеливались они взирать и на небо: там начертана была будущая судьба их! Что сделалось с несчастным отцом? Он в объятиях веры старался искать утешения и, может быть, ныне нашел его. Что сделалось с злополучными женихами? Ничего не слышал. Если бы я писал роман, а не истинное приключение, то сказал бы, что один из них путем смерти и славы соединился с любезной, другой же, заключив себя в монастырских стенах, остался телом жить на земле...

Сотни подобных происшествий ознаменовали сентябрь месяц 1812 года, французские бивуаки в Москве блистали многими подобными огнями. Безумные пришлецы узнали, каково незванным гостям гостить в русской столице и каким образом рабствуют на севере. Не одна тысяча их лежит в погребах, колодезях и под мельницами. Если бы собрать все черты мужества, твердости нравов и других добродетелей, исполнявших русских во время пребывания французов в Москве, то можно бы написать целые книги. Искусным перу, резцу и кисти предстоят труд и слава вывести из мрака неизвестности геройские дела соотечественников и представить их во всем блеске на сцену мира.

Москва, 18 октября

Москва начинает стряхать с себя пепел и мало-помалу оживает. Гений ее, бродя по развалинам, собирает снова детей вокруг печальной, но всегда бесценной сердцу матери и ласкает их утешительной надеждой, что счастье, богатство и слава посыплют на нее свежие венки. Жители понемногу стекаются в Москву. Между развалинами ходят иные, как Радклифовы привидения, и ищут следов своих жилищ и имуществ; другие, одиночкой или парами, встречаются вам на улицах и спрашивают вас о той, на которой сами находятся. Через заставы пробираются огромные возы с жизненными потребностями; на рынках волнуется народ и жужжит, как рой пчелиный с приближением цветущей весны. Ремесленники на площадях предлагают вам свои услуги; каменщики и плотники считают тучные задатки. Уже извозчики на быстрых иноходцах мчат вас из края в край города, и петербургская карета один раз в сутки стучит по мостовой. Уже шумит топор, и веселое его эхо отзывается в моем сердце. В Москве можете ныне найти теплый угол, вкусный обед, все необходимые потребности жизни за недорогую цену и даже предметы роскоши. Перед развалинами Гостиного двора видите скромные палатки, столы, стулья и треножники, на которых лежат товары, хотя не в изобилии, но довольно хорошие. Каждый день принимает город лучший и приятнейший вид. Можно сравнить Москву с прекрасной женщиной, которая во время печального траура лишилась лучших своих прелестей. Наступил конец горестного испытания, и она, забыв прошедшее, улыбается будущему, спешит рядиться в новую, разноцветную одежду, любитесь в зеркале оживлением своих прелестей и с каждой новой минутой готовит своим обожателям новые приятности.

Наконец расстаюсь с тобой, Москва, древнее жилище царей, колыбель и гроб многих из них, средоточие богатства, изобилия и веселостей России и родина моя священная! Видел я тебя цветущей, красивой, величественной; зрел я твои развалины: да порадуюсь некогда обновлению твоего великолепия, красоты и славы твоей – и скажу с гордостью москвитянина:

Что матушки Москвы и краше, и милее?

С. Хатунь, 20 октября

В кругу семейства одного из здешних поселян, за дубовым столом, за русским хлебом с солью, подтвердил я сам себе замечание, деланное уже мной несколько раз насчет счастливой жизни крестьян графини Орловой. Красивая наружность домов, опрятность и порядок во внутренности их, довольство в пище их обитателей, чистота и богатство в одеждах, свежесть и здоровье лиц, живость в обращении и делах торговых, более людскости, более рассудительности и лучшая нравственность: вот что отличает их от многих других помещичьих крестьян. И всем этим обязаны они человеколюбивым о них попечениям молодой наследницы имения и душевного богатства героя Чесменского. Зато нет ни одного, который бы не произносил ее имени с сердечной признательностью, нет ни одного, который бы не благословлял кроткой, милосердной своей властителницы. Что же должна чувствовать она в душе своей? Какие торжества, какие награды могут сравниться с удовольствием брать с тысячей богатейшую дань любвию, внимать себе от подданных детей искреннюю похвалу и слышать отзыв их благодарности во глубине своего сердца? Тут я вспомнил о покойном графе Алексее Григорьевиче и сказал сам себе: как родитель был страшен врагам на морях, так дочь в хижинах любима и благословляема.

В почтенном хозяине моем представляется мне живой урок многим мудрецам нашего века. Нежный отец и вместе строгий правитель и судия своего семейства, красноречивый оратор за мирское дело, жаркий защитник слабого и невинного в сельских советах, трудолюбивый возделыватель полей и, следовательно, полезный член Отечеству, покорный властям и всякому порядку по тем же законам, по каким сам почитаем в своем доме, добрый христианин без умствований, верный подданный, чтящий в царе своем образ всевышнего правителя на земле, мудрец, читающий каждый день великую книгу природы, – он постигнул сердцем, что следовать ее простым велениям есть повиноваться воле Бога.

Ныне празднуют здесь изгнание врагов из Москвы. Я поспешил за поселянами в церковь. Умный пастырь, кончив священное служение, обратил к своему стаду трогательную, простую речь. Он говорил о торжестве любви к Отечеству, к царю и вере – не фигурами, не набросанными одним на другое умствованиями, – он говорил сердцу красноречием природы, и сердце каждого понимало его без изъяснений. Ему известно было, что простые примеры, собранные в кругу тех, к которым обращался, у плуга и на торжищах, в дымной хижине и в богатой светлице, действуют сильнее на душу селянина, нежели взятые из какой-нибудь риторики пыльные образчики. Он знал, что нравоучение, чистое и всем внятное, почерпнутое из христианской нравственности (которой должна также служить самая жизнь пастыря), лучше запутанного красноречия древних и новых умствователей; он знал это очень хорошо – и знание свое умел употреблять в пользу. Крестьянин, слушая его с искренним, душевным участием и уважением, не имеет нужды (как часто случается) спрашивать у своего товарища: «что говорит батюшка? я слышал, что он проповедует красно, да я его не разумею», – и тому подобное. Жителя села, простого сына природы, не тронешь и не убедишь ученостью, он послушен более красноречию матери своей и всегда верный данник ее всем сердцем и душой. Хвалю трогательное и простое риторство здешнего священника и желаю искренно, чтобы сельские наши пастыри взяли его образцом для подражания.

Г. Калуга, 26 октября

Первое место в моих записках должны занимать деяния соотечественников моих — деяния, возвышающие имя и дух русского. Следующим повествованием сделал мне подарок один смоленский помещик, бывший очевидным свидетелем самого происшествия.

...Соединенные войска двадцати народов текли в Россию подобно грозной, черной туче, носящей в себе опустошение и гибель золотой жатвы, врата Смоленска отворились с громом, и через них все бедствия войны внеслись в сердце драгоценного Отечества, пламя пожаров пробежало бурей до стен кремлевских. Хищение, разврат и забвение всего священного, грозя самым небесам, бродили по развалинам городов и сел; толпы несчастных жителей убегали со страхом, оглядываясь на пепелище домов своих. Там мать с грудным младенцем укрывалась в густоту лесов, страшась не столько диких зверей, сколько свирепых пришельцев; здесь старик под ношей лет и бедствий искал по рощам и полям пищи для продолжения своей жизни и для семьи малолетних детей; сын отыскивал отца своего под развалинами; жена умоляла возвратить ей супруга: все проливали слезы о разлуке с милой родиной. Уже сильные руки во мраке ночей ковали копья, уже косы и серпы острились, но час свободы еще не звучал — и гордый сын севера в ожидании его затаил в груди своей грозное чувство мщенья.

Наполеон с адской усмешкой считал раны, покрывавшие часть России, и наблюдал место, где мог бы еще вернее поразить ее. Желая истлеть нравы русского народа, он учредил на развалинах Смоленска верховный суд и предписал ему довести до сведения оставшихся в городе и округе жителей, что те из них, которые будут недовольны русским правосудием и управлением, могут требовать защиты от французской расправы: видимое желание вооружить противу справедливой власти и отечественных законов какую-нибудь толпу беспокойных бродяг и бросить тем искру бунта в сердца народа! Неудовольствие некоторых крестьян Смоленской губернии на помещика их, оправдав самым неприметным образом сие намерение, показало между тем повелителю французов, до какой степени может дойти благородная гордость русских и на какие жертвы готова любовь их к Отечеству.

Известный духом истинного благородства и твердости смоленский дворянин Энгельгард не ужаснулся нашествия неприятелей. Соболезнуя о бедствиях родины и желая присутствием своим облегчить горестную участь сограждан, он остался в поместье своем, в Духовском уезде. Положа руку на сердце, взглянув на небеса, он дал небесам сим обет: среди многочисленных врагов действовать противу них же; окруженный чужеземной властью, он решился укоренять в сердцах народа любовь к законному государю и на пепелищах отчизны своей вознести знамя народной свободы и счастья. «Дела мои, совесть, государь и Бог оправдают мое здесь пребывание!» — сказал он и начал исполнять священный обет свой.

Некоторые крестьяне его, недовольные устройством, в котором он содержал их во все время общего беспорядка, негодуя на примерную строгость, с которой он наказывал их за участие в грабеже французов и за ослушание против русских законов, — крестьяне эти, прельщенные лживыми обещаниями вольности и золотых источников, решились идти в Смоленск к французскому начальству доносить на своего помещика о лишении им жизни нескольких французов. Просьба крестьян выслушана судьями, произведено следствие, и не найдено никаких следов смертоубийства. Сам предводитель разбойнической шайки постыдился бы произнести решительный приговор над Энгельгардом. Дела потекли по-прежнему в поместьях сего последнего; но дух злобы не дремал: вскоре бунтовщики, подстрекаемые Наполеоновыми прокламациями, соединились в небольшую разбойничью шайку, набрали в окрестностях несколько убитых французов и, бросив их в отсутствие помещика под пол его дома, привели из Смоленска французских комиссаров для вскрытия этих полов и свидетельства мертвых тел. Энгельгард найден виновным в смертоубийстве и призван в верховный суд в Смоленск. Вос-

становитель отечественной свободы Вильгельм Телль не являлся к грозному притеснителю Швейцарии с такой твердостью духа, с какой вступил в среду судей защитник славы государя и сограждан своих. Благородная гордость русского дворянина, уверенность сына Отечества в исполнении своей обязанности, любовь к царю и вере сияли в очах его, управляли всеми его движениями и приводили в смущение собравшийся для приговора его французский совет. Не подсудимым казался он, но судьей неколебимым, пишущим толпе преступников приговор к вечному их посрамлению. Наконец Энгельгард осужден быть расстрелян. «Ведите меня скорее к месту моего торжества!» – сказал он французскому караулу, выслушав со всем хладнокровием приговор свой. Напрасно прельщали его, от имени Буонапарта, свободой и прощением; тщетно обещали ему высокие почести и награды, если он отречется от законного государя своего и объявит смоленскому народу, что повелитель французов есть ныне настоящий монарх России и помазанник Божий! «Свобода моя принадлежит Богу и царю русскому! – и мог ли Наполеон сделать меня рабом своим? Скажите ему, что я и теперь свободен; скажите ему, что русские дворяне умеют умирать таковыми за государя своего и Отечество!» – так отвечал он и повторил снова требование, чтобы его вели скорее к месту казни. Дорогой произнес он раза два сопровождавшему его караульному офицеру известный Корнельев стих:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.